

"Чужая шкура"

Научно-фантастические новеллы

Вера Гусева

Чужая шкура

Вера Гусева

Новелла 1. «Эффект Шерхана»

Она не убивала. Она просто надела кошку.

1

Дождь барабанил по карнизу, когда Ася Ветрова надела шлем.

В комнате пахло мокрой пылью и старым деревом — запахи ещё человеческие, плоские, как картон. Она поправила датчики на висках, привычным движением проверила натяжение ремней под подбородком. Шлем сидел плотно, как вторая кожа.

Кнут лежал у её ног, положив тяжёлую голову на лапы, и ждал. Его чип — легальный, второй серии, с полным сенсорным переводом — был активирован ещё в машине. Ася чувствовала его присутствие краем сознания: тёплое, терпеливое, с лёгким оттенком голода. Пёс хотел работать.

— Давай, мальчик, — сказала она вслух и нажала сенсор на подбородке.

Мир схлопнулся в серую точку.

А потом взорвался запахами.

Квартира перестала быть квартирой и стала трёхмерной картой химических следов. Застарелый никотин, въевшийся в обои чужой спальни. Кисловатый феромон страха из прихожей — жертва пыталась бежать через входную дверь, но не успела. Пыль, моча мышей в вентиляции, старая кровь из мусорного ведра на кухне. И поверх всего — два ярких, как неон, следа: запах жертвы (женщина, пятьдесят три года, диабет второго типа, принимала глюкозоразжижающие) и запах убийцы.

Вот только убийца не пах человеком.

Ася заставила Кнута замереть. Пёс повиновался, хотя его инстинкты требовали идти по следу. Она чувствовала, как работают его мышцы под кожей — сильные, готовые к прыжку, — и одновременно, где-то на задворках собственного сознания, осознавала, что её человеческое тело сидит в кресле, ссутулившись. Два тела. Два разума. Мост.

Убийца пах кошкой.

Не просто кошкой — а кошкой с имплантированным чипом. Чип издавал слабый электромагнитный гул, который ухо Кнута улавливало как высокий, режущий писк. Ася поморщилась — жест, который Кнут не мог повторить, но мог понять, — и двинулась по следу.

Кошка, которую нанял убийца, была рыжая трёхлетняя самка по кличке Имбирь. Ася знала это из материалов дела. Имбирь проникла в квартиру жертвы через форточку, добралась до кровати и — согласно первоначальной версии — просто поцарапала пожилую женщину. Но царапины оказались глубокими, как от скальпеля. Кошачьи когти не режут так, если их не направлять.

А Имбирь направляли.

Женщина умерла не сразу. Она пыталась отбиться подушкой — следы ткани и пуха до сих пор висели в воздухе, видимые собачьему нюху как облако микроскопических частиц, — но кошка двигалась быстрее. Гораздо быстрее, чем обычное животное. Потому что ею управлял человек, который видел мир её глазами и контролировал каждое движение с точностью нейроинтерфейса за двадцать тысяч евро.

Человек, который сейчас сидел где-то в своей квартире, сняв шлем, и искренне считал, что ничего не сделал.

Эффект Шерхана, — вспомнила Ася термин из материалов отдела психологической экспертизы. Официально: «Диссоциативное расщепление ответственности при опосредованном управлении биологическим объектом». Неофициально — убежденность в том, что тигр убил потому, что он тигр, а ты просто предложил ему цель. Я не убивал. Это всё когти. Это всё инстинкты.

Ася вынырнула из шкуры Кнута резко — всегда резко, чтобы не дать синдрому отложенного зверя захватить сознание, — и сорвала шлем. Человеческие руки дрожали. Во рту стоял металлический привкус: побочный эффект долгого погружения.

Кнут поднял голову и тихо заскулил. Он чувствовал её состояние лучше любого психоаналитика.

— Знаю, — сказала она хрипло. — Я тоже её видела.

Она видела не только следы. В сенсорной петле, оставленной в чипе Имбири, Ася поймала эмоцию. Короткую, как вспышка, — но яркую. Убийца, сидя в шкуре кошки, испытывал не гнев. Не страх. Не холодный расчёт киллера. Он испытывал удовольствие. Игривое, почти детское: словно разрывал когтями не человеческую плоть, а клубок ниток.

В этом-то и было всё дело.

Игры закончились, когда жертва перестала дышать. Но убийца этого уже не видел. Он вышел из интерфейса раньше, оставив кошку в одиночестве, в чужой квартире, над телом.

2

Подозреваемого взяли на следующий день.

Артём Сойкин, двадцать четыре года, студент биоинженерного факультета. Специализация: нейроинтерфейсы. Хобби: VR-погружения в тела животных. Домашний питомец: рыжая кошка Имбирь, чипированная три месяца назад.

Обычный парень. Тихий. Соседи говорили — здоровался. Мать умерла, когда ему было

шестнадцать, отец — дальнобойщик, дома не появлялся месяцами. Кошек любил с детства.

Асю пустили в допросную не сразу. Сначала с ним работали стандартные оперативники, потом — психолог из отдела, потом — адвокат, которого нанял отец. И только когда Сойкин начал повторять слово «невиновен» с механической регулярностью метронома, позвали её.

В допросной пахло потом и дешёвым освежителем воздуха. Сойкин сидел на металлическом стуле, сцепив пальцы в замок. На вид — студент-очкарик, не способный даже муху обидеть. Но его зрачки были расширены и двигались чуть быстрее, чем нужно. Лёгкая форма синдрома отложенного зверя, определила Ася. Сойкин до сих пор частично воспринимал свет, как кошка: острее, контрастнее, тревожнее.

— Вы госпожа Ветрова? — спросил он, не поднимая глаз. — Мне адвокат говорил. Вы — сенситив. Вы были... в ней?

— В Имбири, — уточнила Ася, садясь напротив. — Да.

— Как она? Жива?

Вопрос прозвучал искренне. Ася подавила желание ответить, что кошку усыпили согласно протоколу о биологическом орудии преступления. Вместо этого она сказала:

— Жива. В приюте.

Сойкин выдохнул. На его лице мелькнуло облегчение — быстрое, почти кошачье.

— Слава богу. Я боялся, что вы её... ну, вы понимаете.

— Понимаю, — Ася положила на стол планшет и открыла файл с материалами дела. — Артём, я хочу задать вам только один вопрос. Вы сами отвечали за свои действия, когда находились в теле кошки?

Сойкин поднял на неё глаза. Теперь в них читалось что-то новое — не вина, не страх, не даже дерзость. Скорее, лёгкое недоумение. Как будто она спросила у рыбы, умеет ли та летать.

— Конечно, — сказал он. — Я полностью контролировал аватар. Имбирь выполняла ровно то, что я хотел. В этом и суть технологии.

— Тогда почему вы утверждаете, что невиновны?

Он улыбнулся. Улыбка была тонкая, почти извиняющаяся.

— Потому что я не убивал. Я сидел дома, в шлеме. Мои руки были на коленях, я не прикасался к гражданке Морозовой, я вообще никогда её не видел в реальности. То, что делала Имбирь — это были действия биологического объекта. Я лишь предложил ей... цель.

— Цель была — убить?

— Цель была — поцарапать. Сильно. Инстинктивно. Как кошка царапает когтеточку. — Он говорил спокойно, почти монотонно, словно читал лекцию. — Я не знал, что у гражданки Морозовой гемофилия в скрытой форме. Это медицинский факт, который не был доступен мне на момент... эксперимента. Если бы я знал, я бы выбрал другую цель.

— Эксперимента, — повторила Ася.

— Да. Я исследую границы интерфейса. — В его голосе слышалось что-то похожее на энтузиазм. — Мы на кафедре как раз пишем работу о диссоциации ответственности. Это прорывное направление. Понимаете, традиционное право построено на принципе физического присутствия. Если я нахожусь в комнате А и моё физическое тело ничего не делает, а в комнате Б кто-то умирает от когтей животного, которое выполняло заложенную природой программу... где здесь я?

— Вы дали команду.

— Я дал стимул. Я не контролировал каждое движение мышц. Имбирь сама решала, как именно царапать. Она действовала в рамках видového поведения. Разница между «убить» и «поцарапать» для кошки несущественна. Это человеческая категория.

Ася молчала. Перед ней сидел не психопат, наслаждающийся безнаказанностью, и не глупец, не понимающий последствий. Перед ней сидел инженер человеческой души, который искренне верил в то, что говорил.

И в этом был самый страшный ужас.

— Скажите, Артём, — она наклонилась чуть ближе, — а если бы кто-то надел шкуру вашей кошки и заставил её убить вас? Вы бы тоже считали, что ответственность лежит только на животном?

Сойкин задумался. Действительно задумался — Ася видела, как движутся его глаза, словно читая невидимую формулу.

— Интересный вопрос... — пробормотал он. — Вероятно, это зависело бы от того, сохранил бы я постфактум своё сознание, чтобы оценить ситуацию с моральной точки зрения. Если бы меня не стало, вопрос потерял бы субъекта оценки.

— Вы не ответили.

— Я ответил, — он улыбнулся снова, на этот раз почти грустно. — Просто вам не понравился ответ.

3

Дело Сойкина взорвало медиаполе через два дня.

Заголовки пестрели кликбейтом: «УБИЙЦА В ШКУРЕ КОШКИ: ПРЕСТУПЛЕНИЕ ИЛИ ИГРОВОЙ ЭКСЦЕСС?», «ЭФФЕКТ ШЕРХАНА: НОВОЕ СЛОВО В ЮРИСПРУДЕНЦИИ ИЛИ ЛАЗЕЙКА ДЛЯ МАНЬЯКОВ?», «СЕНСИТИВ ВЕТРОВА ПРОТИВ БИОХАКЕРОВ: КТО КОГО?».

Адвокат Сойкина, нанятый его отцом, оказался дорогим и циничным профессионалом. Он построил защиту именно на том, о чём говорил Артём: физическое тело клиента не покидало квартиры, прямого умысла на убийство не было, а кошка действовала в рамках инстинктов, которые клиент не контролировал полностью.

Прокуратура не знала, как это опровергнуть. Прецедентов не существовало.

Ася пила кофе в своём кабинете, когда к ней зашёл начальник отдела, полковник Грачёв, и

молча положил на стол планшет.

— Читай.

Это была докладная записка из психологического отдела. Сойкин прошёл углублённую экспертизу на предмет «синдрома отложенного зверя» и общего психического состояния. Вердикт: полностью вменяем. Но с примечанием. «Подэкспертный демонстрирует признаки глубокой дереализации при оценке действий, совершённых в теле животного. Не считает их своими в юридическом смысле. Рекомендовано рассмотреть вопрос о создании новой правовой категории: «опосредованное биологическое действие».

— Они серьёзно? — Ася подняла глаза на Грачёва.

— Серьёзнее некуда. Лоббисты от биоинженерных корпораций уже подключились. Если примут такую категорию, вся индустрия VR-погружений окажется в серой зоне. Игры, исследования, военные разработки — всё под ударом. Или наоборот, — он хмыкнул, — всё станет легальным. Смотря, как повернуть.

— Он убил женщину, — сказала Ася тихо.

— Он поцарапал женщину, которая не должна была умереть от царапин, — поправил Грачёв. — Это его версия. И она, чёрт возьми, звучит логично. Ты сама была в петле. Ты видела умысел на убийство?

Ася промолчала. В том-то и было дело. Умысла на убийство в сенсорной петле не было. Было странное, игривое удовольствие от насилия — но не расчёт, не холодная цель. Как ребёнок, который отрывает крылья мухе, не понимая, что мухе больно. Потому что «муха» — это не «я».

— Мы теряем это дело, — подвёл итог Грачёв. — Если адвокаты продавят новую категорию, Сойкин получит условный срок за неосторожное причинение смерти. Максимум — два года ограничения на использование интерфейсов. А потом вернётся в лабораторию и продолжит свои «эксперименты».

— Я его посажу, — сказала Ася.

— Каким образом?

Она взяла планшет и открыла файл с биографией Сойкина. Пролистала до страницы, которую не показывали в новостях. Мать Артёма умерла, когда ему было шестнадцать. Причина смерти: множественные гематомы мягких тканей, вызванные падением с лестницы. Но в медицинской карте была приписка, сделанная патологоанатомом: характер гематом не соответствует падению. Похожи на следы укусов.

Укусов кошки.

— У него уже была кошка, — сказала Ася. — Когда ему было шестнадцать. И его мать умерла от потери крови, вызванной множественными царапинами и укусами. Тогда не было чипов. Тогда списали на несчастный случай. Но если он тогда, ещё без интерфейса, научился манипулировать животным... это не эксперимент. Это рецидив. Дважды.

Грачёв долго смотрел на неё. Потом кивнул:

— Копай. Но будь осторожна. Адвокат Сойкина уже заявил ходатайство о твоём отводе.

Говорит, сенситив не может быть объективным свидетелем. Ты слишком глубоко в шкуре. Буквально.

Когда он ушёл, Ася откинулась в кресле и закрыла глаза. Перед внутренним взором всё ещё стояла комната жертвы, увиденная глазами Кнута. Запах старой крови. Облако перьев из подушки. И ощущение — чужое, скользнувшее из петли Имбири, — удовольствия.

Тонкое, кошачье, мурлыкающее.

Я не убивал. Это всё когти.

Она открыла глаза и посмотрела на Кнута, который спал в углу кабинета, подёргивая лапами во сне. Ей вдруг захотелось надеть шлем и войти в его сон — просто чтобы побыть в мире, где нет людей и их бесконечных, изошрённых оправданий.

Но работа была не закончена.

Продолжение следует...

Новелла 2. «Свидетель с хвостом»

Память — это не запись. Это рассказ, который мы сами себе пересказываем. А что, если рассказчик — не ты?

1

На этот раз тело человека не нашли.

Нашли только кровь, очень много крови, на полу дорогой квартиры в районе Золотых Куполов, и маймуна — карликового шимпанзе по кличке Оливер, — который сидел на книжном шкафу, обхватив себя руками, и тихо, почти по-человечески раскачивался взад-вперёд.

Хозяин квартиры, некто Глеб Ратников, сорок два года, биоинженер-разработчик нейроинтерфейсов компании «НейроСкин», исчез. Следов взлома не обнаружили, вещи на месте, счета не тронуты. Единственное, что бросалось в глаза — разбитый вдребезги аквариум на полтонны воды и мёртвая рыба-бабочка, присохшая к паркету.

Оливер был чипирован — легально, с максимальным допуском, такие ставят животным-компаньонам для глубокой эмоциональной связи с хозяином. Именно это превращало обезьяну из молчаливого свидетеля в потенциальный ключ.

Ася прибыла на место через сорок минут после вызова.

Квартира встретила её запахом морской соли от разбитого аквариума и кислотным душком

обезьяньего страха. Оливера уже пересадили в транспортную клетку, но он продолжал раскачиваться, изредка издавая звук — не крик, а короткое, горловое «ху-ху», от которого у Аси что-то сжималось в груди.

Кнут, заведённый в квартиру на поводке, напрягся, шерсть на загривке встала дыбом, и он тихо зарычал. Обычно на месте преступления пёс работал спокойно, но сейчас что-то выбивало его из равновесия.

— Кнут, тихо, — скомандовала Ася, и он послушался, хотя мышцы под кожей остались каменными.

Она подошла к клетке и присела, чтобы заглянуть Оливеру в глаза. Карликовый шимпанзе смотрел на неё в ответ — и Ася вздрогнула. На неё смотрел не зверь. В этих глазах плескалась осмысленная, почти человеческая мука. Слишком человеческая.

— Ты был там, малыш? — прошептала она, не ожидая ответа. — Ты всё видел?

Оливер перестал раскачиваться. Медленно, очень медленно он протянул сквозь прутья руку с длинными, почти старческими пальцами и коснулся её запястья. Прикосновение было мягким, вопрошающим.

В нём не было агрессии. В нём была просьба.

2

Погружение в Оливера Ася готовила особенно тщательно.

Не всякий сенситив работал с приматами. Сознание обезьяны — не собачье, не кошачье: оно слишком близко к человеческому, но устроено иначе, и при контакте возникал резонанс, который иногда ломал даже опытных оперативников. В протоколах это называлось «эффектом кривого зеркала». Ты узнавал себя — и переставал узнавать. Или наоборот.

— Может, ну его? — спросил Грачёв, когда она уже настраивала оборудование в лаборатории. — Техники снимут латентные отпечатки из чипа, без твоего погружения. Там стандартная цифра, ну?

— Цифра скажет, что видел Оливер. Она не скажет, что он чувствовал, — ответила Ася. — И не скажет, кто был в нём.

Грачёв нахмурился:

— Думаешь, кто-то надел обезьяну? Брось. Чип Оливера — парный, настроен только на Ратникова. Никто другой в него не залез бы.

— А если Ратников сам был в Оливере? — спросила Ася.

Повисла пауза. Грачёв потёр переносицу, переваривая.

— Ты хочешь сказать, что владелец залез в собственную обезьяну, чтобы что? Смотреть, как его убивают?

— Или чтобы инсценировать убийство и исчезнуть, — тихо сказала Ася. — Или чтобы... не знаю. Я узнаю, когда зайду.

Надела шлем. Кнут привычно лёг у её ног. Ася активировала соединение, ожидая привычного серого провала, — и мир взорвался.

Она ожидала звериного хаоса, но получила нечто гораздо более страшное: мир Оливера был почти человеческим, однако разбитым на острые осколки. Цвета — слишком яркие, словно кто-то выкрутил насыщенность до предела. Звуки — слоистые, каждый шорох обретал фактуру. А запахи...

Запахи говорили.

Она видела комнату глазами маймуна. Квартира, залитая светом, аквариум, в котором плывут диковинные рыбы, — красиво, красиво, хозяин любит рыбок. Хозяин сидит в кресле, на его голове шлем. Он часто в шлеме. Это нормально.

Потом — вспышка.

Дверь открывается. Входит человек. Лицо? Лица нет. Есть запах — знакомый, это друг. Или не друг? Оливер не различал. Для Оливера все люди были «свои», пока не делали больно. Друг подходит к хозяину. Хозяин в шлеме, не видит, не слышит. Друг поднимает руку. В руке что-то блестит. Скальпель. Или нож. Движение — быстрое, как бросок змеи.

Кровь. Много крови. Хозяин падает. Шлем слетает с его головы, катится по полу. Друг поворачивается к Оливеру. Смотрит. Улыбается.

А потом провал.

Тьма. Пустота. Чип Оливера отключился — или его отключили. Дальше — только провал, долгий, как беззвучный крик, а потом пробуждение, и кровь уже засохла, и аквариум разбит, и хозяина нет.

Ася вынырнула, сорвала шлем, её трясло. Кнут вскочил, заскулил, лизнул её руку.

— Я в порядке, — соврала она. — Просто...

Просто что? Там была петля — эмоциональный след, который должна была оставить смерть хозяина. Но петля была какой-то неправильной. Убийство в воспоминании Оливера ощущалось не как ужас, не как предательство, не как боль. Оно ощущалось как...

Облегчение.

Короткое, яркое, почти радостное облегчение, которое могло принадлежать только одному существу в этой комнате — тому, кто видел убийство. Самому Оливеру.

Но почему?

3

Ася прокручивала запись раз за разом. Цифровой слепок из чипа подтверждал: Оливер видел,

как некий человек, идентифицировать которого не удалось (лицо было скрыто, а метаболический профиль размыт глушилками), вошёл в квартиру, ударил Ратникова ножом в шею, затем отключил чип обезьяны.

Но было одно «но». Крохотное несовпадение в таймкодах. Согласно чипу, Оливер перестал записывать реальность в 14:32:07. А согласно датчикам жизнедеятельности Ратникова, implanted in his subcutaneous chip, его сердце остановилось в 14:31:59.

Восемь секунд разницы. Оливер «видел», как хозяина убили, — и ещё восемь секунд после этого, пока его собственный чип был активен. Что делал Оливер эти восемь секунд?

Цифровой слепок не давал ответа. Он показывал только визуальный ряд: убийца уходит из кадра, Оливер смотрит на тело хозяина, потом на его шлем, валяющийся на полу, потом...

Статика. Обрыв записи. Цифровой след был стёрт. Аккуратно, профессионально, словно кто-то не хотел, чтобы эти восемь секунд вообще существовали. Но само наличие временного зазора — дыра в ткани реальности, которая требовала объяснения.

Ася подняла материалы на Глеба Ратникова. Биоинженер, талантливый, но с тёмным пятном в биографии: два года назад его жена, Марина Ратникова, покончила с собой при странных обстоятельствах. Бросилась с крыши их загородного дома. Следствие тогда закрыло дело быстро — депрессия, нервный срыв. Но в медицинской карте Марины за месяц до смерти появилась отметка: пациентка жаловалась на «приступы дереализации», ей казалось, что она иногда находится в чужом теле. Лечащий врач рекомендовал консультацию у специалиста по диссоциативным расстройствам. Консультация не состоялась — Марина выбросилась из окна раньше.

Ася открыла следующий файл и замерла. Домашний питомец Ратниковых до гибели Марины. Карликовый шимпанзе. Кличка — Мира. Чипирована за месяц до трагедии. Усыплена через три дня после смерти хозяйки — официально по причине «немотивированной агрессии».

Мира и Оливер. Два маймуна. Два свидетеля. С разницей в два года.

— Грачёв, — сказала она в коммуникатор, — мне нужно изъять архив чипа Миры. Если он сохранился.

— Его утилизировали, — ответил начальник. — По протоколу. Чипы усыпленных животных стираются полностью, это биоэтика.

— А теньевые копии в «НейроСкине»? Ратников сам работал в компании, которая производит эти чипы. Он мог сохранить резервную копию.

Молчание.

— Это уже серьёзно, Ветрова. Если ты ошибаешься, мы подставимся под иск о корпоративном шпионаже. Если ты права...

— Если я права, то Глеб Ратников мёртв, а его жена два года назад видела что-то в сознании обезьяны, что её убило. И Оливер видел то же самое. Но ему повезло больше — он ещё жив.

Резервная копия чипа Миры нашлась. Не в «НейроСкине», а в облачном хранилище, зарегистрированном на анонимный аккаунт, но привязанном к домашнему серверу Ратниковых. Тот, кто стёр восемь секунд из памяти Оливера, не додумался проверить бэкапы двухлетней давности. Или считал их уничтоженными.

Ася запустила запись. Техники вывели изображение на экран в её лаборатории, и она смотрела, не мигая, боясь пропустить хоть кадр.

Мира, обезьянка, сидела на подоконнике в загородном доме. За окном — серое небо и сосны. В комнате — Глеб Ратников и его жена Марина. Они ссорятся. Кричат. Слов не разобрать, но интонация ясна: обвинение, оправдание, боль. Марина плачет, Глеб трясёт её за плечи.

Потом — Марина вырывается, делает шаг к окну. Глеб не останавливает её. Она открывает раму. Она не прыгает — просто стоит, качаясь на грани, и смотрит вниз.

И тут в записи происходит нечто, от чего у Аси перехватывает дыхание.

Мира — обезьяна — поворачивает голову. Не по своей воле. Движение плавное, механическое, незвериное. Она поворачивает голову и смотрит прямо на дверной проём, где застыл человек в шлеме. Глеб Ратников. В своём шлеме. Вне своего тела. Но...

Его тело стояло рядом с женой у окна. Два Глеба? Нет. Один — физическое тело, второй — сознание, вселившееся в Миру. Но разум, управляющий Мирой, — это не Глеб. Ася видела по движению глаз, по микромимике обезьяньей морды, по тому, как она вдруг вся подобралась, словно кто-то дёрнул за ниточки.

В Мире был другой человек.

И этот человек — Марина.

Запись была смазанной, но Ася, как сенситив, чувствовала сквозь цифровой слепок эхо присутствия. Жена Глеба не стояла у окна в своём теле. Она уже была в Мире. Она смотрела на собственное тело, управляемое мужем через какой-то неизвестный, незаконный прокси-интерфейс, который позволял подключаться не к животному напрямую, а к человеку, который уже подключён к животному. Сознание в сознании. Матрёшка.

Глеб не просто управлял Мирой. Он управлял Мирой, в которую ранее вселил сознание жены. Он стравливал два разума в одном теле животного, и Марина в теле обезьяны видела, как её собственное человеческое тело подходит к окну, открывает раму...

И прыгает.

Марина-в-Мире закричала — беззвучно, внутри чужого звериного горла, — и в этот момент запись оборвалась. Ася поняла, кто стёр финал. Глеб. Не потому, что скрывал убийство. А потому, что в этом финале его жена, запертая в теле обезьяны, видела выражение его лица, когда он снял шлем и осознал, что сделал.

Осознал? Нет. Почувствовал. Удовольствие. То самое, игровое, детское.

Оливер жил у Аси дома уже неделю, пока шло расследование. Она не могла отдать его в приют, не после того, что узнала. Карликовый шимпанзе оказался на удивление спокойным и ласковым. Он быстро освоился, подружился с Кнудом и целыми днями сидел на спинке дивана, наблюдая за Асей умными, печальными глазами.

Но было кое-что ещё.

Иногда, по ночам, Ася просыпалась от странного чувства, будто за ней следят. Она открывала глаза, и видела Оливера, сидящего у изголовья, и его глаза в темноте казались почти светящимися. Тогда он протягивал руку и снова касался её запястья — тем же мягким, вопрошающим жестом, что и при первой встрече.

И она чувствовала это. Прикосновение было не просто тактильным. Оно несло в себе вопрос. Или сообщение. Или воспоминание.

Однажды ночью она не выдержала, надела шлем и погрузилась в Оливера прямо так — в пижаме, сидя по-турецки на кровати.

Тьма. А потом — свет. Но не визуальный. Свет эмоции. Тёплый, золотистый, знакомый.

Глеб Ратников любил Оливера. По-настоящему, не как инструмент, не как аватар. Он купил его после смерти Миры и смерти жены, купил, чтобы спастись от одиночества, и Оливер отвечал ему преданностью, которая возможна только у видов, способных к близкой межвидовой дружбе.

Но Глеб не смог остановиться. Он снова начал эксперименты. На этот раз — на себе. Или на Оливере. Или на границе между ними. Он пытался понять, что случилось с Мариной, воспроизводя тот же протокол, но уже с собственным сознанием, заикленным на обезьяну. Он искал ответ. Или искупления. Или забвения.

И однажды вошёл в Оливера и не вышел.

Нет, он не умер. Он остался там, внутри, как тихий пассажир, уступив управление животному. Его тело ходило на работу, ело, спало, но медленно угасало, потому что сознание покинуло его почти полностью.

Человек-в-обезьяне. Добровольный плен. Бегство от вины. От воспоминания о том, как его руки — или лапы? — толкнули жену в окно, а потом сняли шлем и ощутили... Ничего. Пустоту. Чистый экран.

А потом пришёл убийца. Не друг. Не враг. Просто человек, которому Ратников задолжал денег или тайн. Он ударил ножом пустую оболочку, не зная, что её хозяин смотрит на это глазами обезьяны с книжного шкафа. И вот эти восемь секунд, стёртые из цифрового слепка: Оливер-и-Глеб смотрят на своё умирающее тело, и внутри них происходит нечто, что не может быть выражено ни в человеческих, ни в звериных категориях.

Освобождение. Боль. Слияние.

Когда Ася вынырнула, она плакала. Слезы текли по её лицу, и она не могла их остановить. Кнут лизал её руки, Оливер сидел рядом и тихо раскачивался, и в глазах его, в глубине, Ася видела не зверя. И не Глеба Ратникова.

А кого-то нового. Того, у кого не было имени. Того, кто теперь будет жить у неё.

6

Дело закрыли. Убийцу — того самого должника — нашли через неделю по метаболическому следу, который он, глуша чип Оливера, забыл зачистить на своём оборудовании. Глеба Ратникова признали погибшим. Марину Ратникову — жертвой незаконных нейроэкспериментов. Законодательный комитет внёс поправку в обсуждаемый «Акт об опосредованном биологическом действии», добавив пункт о запрете прокси-подключений и обязательной сертификации интерфейсов.

А Оливер остался у Аси.

Иногда она ловила себя на том, что говорит с ним, не надевая шлема. И он, кажется, понимал. Не слова — интонацию, ритм, тепло. Иногда он подходил к Кнугу, гладил его по голове, и пёс блаженно щурился, принимая ласку. А иногда Ася видела, как Оливер сидит у окна, глядя на город, и в его глазах пляшут отблески фар.

И тогда она думала: кто смотрит сейчас этими глазами? Сколько душ можно вместить в одно маленькое тело? И где грань, за которой свидетель перестаёт быть свидетелем и становится кем-то ещё?

Продолжение следует...

Новелла 3. «Живой товар»

Боль нельзя вообразить. Её можно только вспомнить. Но что, если тебе вживили чужую память боли?

1

Тело нашли на рассвете в грузовом контейнере на окраине Восточного терминала. Контейнер был рефрижераторный, списанный, с выломанным замком и запахом, который даже бывалые оперативники предпочли не описывать.

Мужчина, около сорока, одетый в дорогой домашний халат и тапочки, лежал на боку, поджав колени к груди. Лицо его было застывшей маской такого чистого, незамутнённого ужаса, что криминалист, прибывший первой сменой, отказался фотографировать и вызвал начальство.

Причина смерти, установленная позже, была проста до обыденности: обширный инфаркт миокарда. Но вызван он был не физическим воздействием — на теле не обнаружили ни царапины. А чем-то, что убило его изнутри.

На голове труп был шлем. Серый, незарегистрированный, без логотипов. Он всё ещё работал.

Ася приехала на место в шесть утра, с Кнутом на поводке и термосом кофе, который остыл, пока она пробиралась через полицейские кордоны. Грачѳв встретил её у входа в контейнер с таким выражением лица, какого она у него давно не видела. Это был не гнев. Не усталость. Это была брезгливость пополам с недоумением.

— Там внутри такое, Ветрова, что я даже не знаю, с чего тебе начинать, — сказал он вместо приветствия. — Но у нас труп с VR-шлемом без маркировки и без регистрации в сети. Это твоѳ?

— Моѳ, — сказала она и вошла.

Труп уже упаковали в гермомешок, но оборудование не трогали: ждали сенситива. Ася опустилаcь на корточки рядом со шлемом. Серый пластик, грубые сварочные швы — кустарное производство, но начинка, судя по обгоревшим контактам, мощная. Кто-то спаял этот шлем в гараже, но денег на компоненты не пожалел.

— Шлем всё ещё транслирует, — сказал техник, молодой парень с бледным лицом. — Мы не стали отключать. Там... там заикленная петля. Наверное, вам надо это видеть.

Ася взяла шлем, надела — прямо там, в пропахшем смертью контейнере, — и активировала подключение.

Мир схлопнулся. На этот раз не в серую точку. В красную.

Она ожидала чего угодно. Но не такого.

2

Она была свиньѳй.

Нет — она была в свинье. Взрослая самка, вес около ста двадцати килограммов, грязно-розовая кожа, покрытая струпьями от решѳчатого пола. Ася не видела себя, но чувствовала каждую деталь чужого тела с чудовищной, невыносимой ясностью: тяжесть собственного веса, давящего на суставы, ограниченность движений в узком станке, запах собственных испражнений и страха — липкий, всюду.

Станок, в котором была свинья, двигался по конвейеру. Впереди — гул, лязг металла, крики. Нет, не крики. Визг.

Ася попыталась выйти из подключения. И не смогла.

Шлем мѳртового мужчины не отпускал. Его прошивка была заблокирована на принудительный приѳм, без аварийного выхода. Тот, кто создал эту петлю, хотел, чтобы жертва прошла весь путь до конца, не имея возможности отвернуться.

Конвейер полз. Визг впереди становился громче, а потом обрывался — раз за разом, с методичностью метронома. Ася считала обрывы, чтобы не сойти с ума. Пять. Шесть. Семь. И с каждым обрывом стальная лента подвозила её всё ближе к тому месту, откуда не возвращаются.

Она не могла закрыть глаза. Интерфейс не давал контроля — только сенсорный входящий поток. Она чувяла запах крови впереди — свежей, парной, своей. Слышала, как бьются сердца соседок по конвейеру — быстрее, быстрее, в унисон с её собственным. Чувствовала, как сокращаются мышцы ног, когда станок подталкивает её вперёд.

И потом — удар.

Ошибка. Не удар. Просто темнота, пришедшая раньше, чем боль. Петля обрывалась здесь и начиналась заново. Снова станок, снова конвейер, снова визг. Бесконечное повторение последних минут жизни, записанное через сенсорный слепок чипа, имплантированного в мозг свиньи.

Ася прожила эту петлю трижды, прежде чем техник снаружи заметил её состояние и принудительно разорвал соединение. Она сорвала шлем и её вырвало прямо на бетонный пол контейнера. Кнут скулил и тыкался носом ей в плечо, пытаясь привести в чувство.

— Госпожа Ветрова! — техник тряс её за плечо. — Вы в порядке?!

— Нет, — сказала она хрипло. — Но я жива. В отличие от него.

Она посмотрела на гермомешок с телом, и впервые за долгое время не ощутила к мёртвому ничего, кроме жалости.

— Кто он? — спросила она.

— Анджей Стржеминьский, — Грачёв стоял в проёме контейнера с планшетом. — Владелец сети мясокомбинатов. Три завода, две бойни. Угадай, кто главный лоббист против «Акта Ветровой»?

Ася вытерла рот рукавом. Ответ был очевиден, но она всё равно спросила:

— Кому это выгодно?

— Всем, кто хочет, чтобы люди не считали животных разумными. И всем, кто хочет, чтобы люди никогда не чувствовали того, что сейчас почувствовала ты.

3

Они называли себя «Нейро-веганы». Радикальная группировка, отколовшаяся от легального зоозащитного движения около года назад, когда стало ясно, что технология чипирования открывает новые, страшные возможности. Их идеология была простой, как лезвие ножа: если люди не могут представить боль животных, им нужно её показать. Принудительно.

Лидера группировки звали Ника Мороз. Двадцать восемь лет, бывшая студентка ветеринарной академии, исключённая за кражу лабораторных животных. До того, как взяться за оружие — виртуальное и реальное — она пять лет работала волонтером в приютах и на станциях стерилизации бездомных псов. Знала боль изнутри. Считала, что остальные должны узнать тоже.

Ася читала её досье в штабном фургоне, пока оперативники прочёсывали Восточный терминал в поисках следов. Ника Мороз не скрывалась. Она оставила на шлеме Стржеминьского подпись

— цифровой водяной знак с координатами следующей трансляции. Следующая жертва уже была выбрана, и на этот раз Ника обещала прямой эфир.

— Это не терроризм, — сказала Ника Мороз в единственном видеообращении, которое нашлось в архиве. — Это образование. Мы не убиваем. Мы даём прочувствовать. Если после просмотра человек продолжит есть мясо, это его выбор. Но он больше не сможет сказать: «Я не знал».

— Что думаешь? — спросил Грачёв, глядя на стоп-кадр.

— Думаю, что она права, — тихо сказала Ася. — И думаю, что она преступница. Эти две мысли не противоречат друг другу. В этом и проблема.

Кнут, лежащий у её ног, поднял голову и посмотрел на неё долгим взглядом. Ася встретила этот взгляд и вдруг подумала: а что, если бы кто-то заставил её пережить петлю Кнута? Не прогулку по следу, а его настоящую боль — ту, что он испытывал до того, как попал к ней, в своей прошлой жизни, когда был служебным псом в питомнике с жестокими методами дрессировки. Она знала о его шрамах, но никогда не пыталась их прочувствовать. И не хотела. Может быть, именно в этом была правота Ники Мороз. И её чудовищность.

4

Следующей жертвой оказалась директор корпорации «НейроСкин» Елена Шахова. Пятьдесят семь лет, миллиардное состояние, и — по иронии судьбы — именно тот человек, который лоббировал запрет на принудительные подключения. Защита прав человека в мире, где люди надевают зверей, была её политическим конём. О животных она не говорила никогда.

Ника Мороз транслировала подключение Шаховой в прямом эфире через даркнет-сеть, недоступную для отключения. Миллионы зрителей по всему миру — кто из любопытства, кто из желания увидеть смерть — наблюдали, как пожилая женщина в дорогом костюме бьётся в конвульсиях на полу своего кабинета, а на экране в углу трансляции разворачивается то, что она видит в шлеме.

На этот раз это была не свинья. Это была норка. Зверёк, запертый в тесной клетке зверофермы, с воспалёнными глазами и гниющей от собственных экскрементов шкурой. Шахова прожила в теле норки четыре минуты тридцать две секунды. Потом её сердце остановилось.

Ася смотрела трансляцию в штабном фургоне, не в силах оторваться. Она должна была искать зацепки, выискивать в картинке детали, которые выдали бы местонахождение Ники Мороз, — и она их искала. Но ещё она чувствовала, как что-то внутри неё медленно, неумолимо меняется.

Нет, она не оправдывала убийства. Но она больше не могла думать о жертвах только как о жертвах. Анджей Стржеминьский владел сетью скотобоен и каждый день отправлял на конвейер тысячи живых существ. Елена Шахова заработала миллиарды на чипах, которые позволяли людям использовать животных, не думая об их боли. Они не были невинными. Они были частью системы, которую сама Ася обслуживала каждый день, расследуя преступления с оглядкой на корпоративные интересы.

— Ветрова, ты меня слышишь? — голос Грачёва вырвал её из размышлений.

— Да.

— Мы засекали источник сигнала. Это звероферма в Зареченском районе. Выезжаем через пять минут. Группа захвата уже в пути.

— Я с вами.

— Нет, — отрезал Грачёв. — Ты гражданское лицо. В зоне захвата будешь ждать снаружи.

— Я сенситив, — сказала Ася. — Если там есть ещё заложники в шлемах, я единственная, кто сможет их вытащить без хирургического вмешательства.

Грачёв выругался, но спорить не стал.

5

Звероферма встретила их запахом, который не могли заглушить никакие респираторы. Моча, гной, мокрая шерсть, гниющая плоть — всё смешалось в тошнотворную симфонию. Кнут, идущий рядом с Асей, дрожал и прижимал уши. Его собачий нюх здесь не был преимуществом — он был проклятием.

Группа захвата уже работала внутри длинных, приземистых строений. Слышались короткие команды, удары прикладов, крики. Ася с Грачёвым и ещё двумя оперативниками двинулись к дальнему ангару, где, по данным тепловизора, находились живые люди.

Их было пятеро. Ника Мороз и четверо её последователей. Все в таких же серых шлемах, как на трупе Стржеминьского, но с открытыми забралами. Они сидели в кругу, взявшись за руки, и на их лицах было выражение, которое Ася не сразу смогла опознать.

Мир. Спокойствие. Почти блаженство.

— Вы опоздали, — сказала Ника, поднимая глаза. — Трансляция уже идёт. На этот раз мы показываем не чью-то боль. Мы показываем свою.

Ася похолодела. Она перевела взгляд на экраны за спинами сидящих — и поняла. «Нейро-веганы» подключили себя к чипам животных на этой самой ферме. Добровольно. Навсегда. Модифицированная прошивка зацикливала соединение, не позволяя разорвать его без хирургического вмешательства. Они собирались провести в телах зверей столько времени, сколько потребуется, чтобы весь мир увидел их страдания — и что-то, наконец, изменил.

— Мы не самоубийцы, — сказала Ника, глядя прямо на Асю. — Мы живые свидетельства. Мы останемся здесь и будем транслировать каждую минуту, каждый час, каждый день, пока правительство не примет закон о правах животных на защиту от опосредованного использования. Пока «НейроСкин» не отзовёт свои серые чипы. Пока мясокомбинаты не остановят конвейеры.

— Вы умрёте, — сказала Ася. — Тела животных не выдержат долгого подключения. И ваши собственные тела — без ухода, без еды и воды — тоже.

— Да, — просто ответила Ника. — Но к тому времени нас увидят все.

В ангаре повисла тишина. Грачёв с оперативниками замерли в дверях, не зная, стрелять им, вязать или вызывать переговорщиков. Ася смотрела на Нику Мороз и видела в её глазах то, что

уже видела однажды в глазах Оливера: решение, принятое не человеком и не зверем, а кем-то на границе.

— Ты можешь нас отключить, — сказала Ника, обращаясь только к Асе. — Ты — сенситив. Ты умеешь входить в чипы и разрывать петли. Я знаю твои возможности. Ты можешь нас спасти.

— А ты этого хочешь? — спросила Ася.

Ника улыбнулась. Улыбка была усталой, вымученной.

— Я не знаю, — сказала она. — Я думала, что знаю, но теперь, когда ты здесь... я не уверена. Может быть, я хочу, чтобы кто-то принял решение за меня. Как ты принимаешь решение за Кнута. Как хозяин принимает решение за своего пса. Это ведь тоже ответственность, правда?

Ася стояла посреди ангара, полного боли, и молчала. Вокруг кричали норки, бились в клетках лисы, плакали где-то в дальнем углу невидимые щенки. Кнут прижимался к её ноге, и она чувствовала ритм его сердца — спокойный, ровный, доверяющий.

Решение, которое она должна была принять, не имело правильного ответа.

Отключить «Нейро-веганов» — нарушить их волю и лишить мир самого громкого свидетельства.

Не отключать — позволить им умереть, стать мучениками, запустить волну подражаний, которая захлестнёт страну.

— Я не могу сделать это одна, — прошептала Ася.

И в этот момент Оливер — она не знала, как он здесь оказался, должно быть, выбрался из машины, — вошёл в ангар. Карликовый шимпанзе прошёл мимо застывших оперативников, мимо Грачёва, мимо сидящих в кругу людей в шлемах, и встал рядом с Асей. Он взял её за руку, и она почувствовала то же вопрошающее прикосновение, что и в первую встречу.

Оливер знал ответ. Оливер, который был свидетелем, и жертвой, и кем-то новым, у кого не было имени. Он смотрел на Нику Мороз и узнавал её. Он видел то же, что Ася: человека, который пересёк границу и не может вернуться, потому что возвращаться уже некуда.

Ася надела шлем.

6

Она вошла в петлю Ники Мороз.

Это была не свинья и не норка. Это была лисица — старая, слепая на один глаз, с артритными лапами, всю жизнь проведшая в клетке размером с собственное тело. Ника выбрала самое слабое, самое безнадёжное животное на ферме и вселилась в него. Не для того, чтобы спасти. Для того, чтобы разделить.

Ася почувствовала боль лисицы — хроническую, тупую, привычную, как сердцебиение. Почувствовала её бесконечное, безбрежное отчаяние, не имеющее выхода, потому что зверь не понимает, за что страдает. И поверх этого — сознание Ники, ясное, острое, как скальпель, осмысляющее каждую секунду боли и превращающее её в оружие.

— Ты можешь нас отключить, — сказала Ника внутри петли. Её голос был не звуком, а вибрацией смысла. — Или можешь остаться. И рассказать им сама. Ты — свидетель. Ты всегда была свидетелем. Но ты можешь стать голосом.

Ася стояла на пороге решения.

Петля Ники была открыта. Аварийный выход существовал — крохотная лазейка в прошивке, которую Ника оставила сознательно. Она не была самоубийцей. Она хотела, чтобы её нашли, остановили, — или присоединились. Она давала выбор.

Ася потянулась к выходу — и остановилась.

Она вспомнила Оливера, который видел смерть хозяина и не знал, кто он теперь. Вспомнила Кнута, который лизал её руки, когда она плакала. Вспомнила Стржеминьского, который умер в контейнере, чувствуя то, что отказывался признавать всю жизнь.

И она сделала шаг внутрь петли. Не для того, чтобы разорвать её. Для того, чтобы запомнить. До конца. Чтобы, когда она выйдет наружу, её свидетельство было не слепком с чужого чипа, а её собственным, личным, неотменяемым знанием.

А потом — разорвала соединение. Мягко, как учили. Давая сознанию Ники время вернуться в своё тело без шока.

В ангаре наступила тишина. Ника Мороз открыла глаза — свои собственные, человеческие, — и посмотрела на Асю.

— Ты видела, — сказала она.

— Да.

— И что ты будешь делать?

Ася сняла шлем и убрала его в сумку.

— Я напишу рапорт, — сказала она. — Я вызову скорую для вас и для животных. Я прослежу, чтобы твою трансляцию приобщили к делу и показали на ближайшем заседании законодательного комитета. И я скажу им — всем им, — что Ника Мороз не убивала. Она просто заставила их почувствовать. И если они хотят судить её за это, пусть сначала наденут шлемы и проживут то, что прожили её жертвы. Хотя бы минуту.

Ника Мороз заплакала. Впервые за всё время она выглядела не пророком, не мученицей, не террористкой — а просто усталой женщиной, которая слишком долго несла на себе чужую боль.

Эпилог

Заседание законодательного комитета транслировалось в прямом эфире. Ася сидела в зале, с Кнудом у ног и Оливером на соседнем кресле. На трибуне сменялись эксперты, лоббисты, юристы, и каждый говорил слова, которые ничего не значили, потому что слова не пахнут кровью.

А потом включили запись.

Петля. Конвейер. Визг. Тишина. Снова петля.

Когда запись закончилась, в зале никто не произнёс ни звука. Председатель комитета, пожилой мужчина с лицом, похожим на печёное яблоко, поднялся и сказал в микрофон:

— Мы переносим голосование. И объявляем перерыв на час.

Ася вышла из зала и села на скамейку в парке напротив. Кнут положил голову ей на колени, Оливер тихо раскачивался рядом. Она смотрела на небо, серое и низкое, и думала о том, что закон, который они пытаются принять, ничего не исправит. Он только зафиксировал правила игры, которая уже идёт. А правила меняются.

Больше всего на свете ей хотелось сейчас надеть шлем и уйти в тело Кнута — туда, где нет законопроектов, лоббистов и этических комитетов. Где есть только запахи, ветер и доверие.

Но она не надела шлем. Она осталась человеком. Потому что кто-то должен был рассказать. И она была тем, кто мог.

Продолжение следует...

Новелла 4. «Акт Ветровой»

Закон — это не истина. Это договорённость о том, как мы будем обращаться с неразрешимым.

1

Законодательный комитет заседал третью неделю.

Ася приходила каждый день. Сидела на одном и том же месте в четвёртом ряду, с краю, ближе к выходу, чтобы можно было выйти, если станет невыносимо. Кнут лежал у её ног, положив тяжёлую голову на ботинки, и спал чутко, просыпаясь от каждого повышения голоса. Оливер оставался дома — слишком много людей, слишком много глаз, слишком много тех, кто смотрел на карликового шимпанзе как на диковинку, а не как на личность.

Сегодня обсуждали поправку к статье семнадцатой — «О правосубъектности биологического объекта в состоянии опосредованного управления». Юристы, приглашённые корпорацией «НейроСкин», настаивали на формулировке «орудие, приравненное к техническому средству». Адвокаты от зоозащитных организаций требовали признания животных «временно замещёнными субъектами». Стороны спорили до хрипоты, и никто, заметила Ася, не спрашивал самих животных, что они думают.

Она знала, что они думают. Она была в их шкурах. Именно поэтому Грачёв и вызвал её сегодня.

— Ветрова, тебя вызывают в качестве свидетеля, — сказал он утром, вручая повестку. — Экспертные показания. И будь готова: адвокаты Сойкина тоже будут. Они хотят оспорить твою квалификацию как сенситива.

— На каком основании?

— На том, что ты слишком глубоко погружаешься. Что ты утратила объективность. Что ты — уже не совсем человек.

Ася посмотрела на него долгим взглядом. Грачёв отвёл глаза первым.

— Я серьёзно, — сказал он. — Они пригласили эксперта из Института нейроэтики. Какого-то профессора, который изучает долгосрочные последствия сенситивных подключений. У него есть публикации о том, что сенситивы после определённого количества погружений начинают идентифицировать себя с животными в ущерб человеческой самоидентификации. Это может поставить под сомнение все твои показания по всем делам.

— И что, по-твоему, мне делать?

— Говори правду, — Грачёв пожал плечами. — Другого совета у меня нет. Но будь осторожна. Они будут ловить тебя на каждом слове.

2

Зал заседаний был переполнен. Ася узнала многих: журналисты, освещавшие дело Сойкина, представители «НейроСкина», юристы, активисты-зоозащитники, несколько сенситивов из их отдела, пришедших поддержать коллегу. В первом ряду сидел Сойкин собственной персоной: мера пресечения ему изменили на домашний арест, и он воспользовался правом присутствовать на слушаниях. Рядом с ним — его адвокат, холёный мужчина с улыбкой, которая Асе сразу не понравилась.

Председатель комитета, судья Волин, объявил вызов свидетеля, и Ася прошла к трибуне. Кнут двинулся было за ней, но она жестом остановила его — пёс послушно лёг у прохода, но глаз с неё не спускал.

— Свидетель Ветрова, — начал Волин, — вы приглашены для дачи показаний по вопросу о характере восприятия информации при дистанционном управлении биологическим объектом. Прошу вас описать ваш опыт.

Ася прокашлялась. Говорить в микрофон перед полным залом было непривычно, но она заставила себя сосредоточиться.

— Когда я вхожу в тело животного через интерфейс, я получаю не только визуальную и аудиальную информацию. Чип транслирует полный сенсорный пакет: обоняние, тактильные ощущения, вестибулярные сигналы, висцеральные ощущения — то есть то, что чувствует тело изнутри. А также эмоциональный фон животного, который неотделим от сенсорики. Страх, голод, боль, удовлетворение — всё это передаётся напрямую.

— Это запись или интерпретация? — уточнил один из членов комитета.

— Это сырой поток. Мозг сенситива сам интерпретирует его. Но интерпретация неотличима от

реального переживания. Когда я чувствую боль животного, я чувствую её как свою. Когда я чувствую его страх, мой собственный пульс учащается. С точки зрения нервной системы — это реальный опыт.

— То есть вы утверждаете, — вмешался адвокат Сойкина, поднимаясь с места, — что эмоциональные состояния животного передаются оператору без искажений?

— Я утверждаю, что они передаются с той степенью точности, которую обеспечивает интерфейс. Искажения возможны, но они зависят от качества оборудования и состояния чипа.

— А от вашего собственного состояния? — адвокат шагнул ближе. — От вашей психики, которая, по мнению ряда экспертов, подверглась необратимым изменениям в результате длительного использования сенситивного протокола?

В зале поднялся шум. Волин постучал молотком:

— Тишина. Свидетель, ответьте на вопрос.

Ася встретила взгляд адвоката. Холёный, сытый, уверенный в своей способности разобрать на части любую правду и собрать из неё удобную ложь. Она знала этот тип. Они всегда выигрывают.

— Моя психика, — сказала она спокойно, — действительно изменилась. Я не считаю это дефектом. Я считаю это профессиональной адаптацией. Пилот, налетавший десять тысяч часов, воспринимает небо иначе, чем пассажир. Это не делает его показания ложными. Это делает их экспертными.

— Но пилот не становится самолётом, — парировал адвокат. — А вы, по вашим собственным словам, чувствуете боль животных как свою. Где заканчиваетесь вы и начинается животное?

По залу снова пробежал шёпот. Ася молчала. Вопрос был из тех, на которые нет правильного ответа — только выбор, на чью сторону встать. И она давно сделала этот выбор.

— Я не знаю, — сказала она. — Иногда я думаю, что эта граница исчезла. И я не уверена, что это плохо. Потому что пока она существовала, мы могли спокойно убивать тех, кто по другую сторону.

Тишина в зале стала такой глубокой, что Ася услышала, как дышит Кнут в проходе.

3

Профессор Керн, эксперт Института нейроэтики, оказался сухим пожилым мужчиной с бородкой клинышком и манерами университетского лектора. Он выступал после Аси и говорил долго, монотонно, пересыпая речь терминами: «диссоциативный спектр», «индуцированная зооморфная идентификация», «дефицит антропоцентрической референции».

Суть сводилась к простому. Длительное использование сенситивного протокола, по мнению Керна, размывает границы личности. Сенситив перестаёт различать свои и чужие эмоции, свои и чужие воспоминания. Это делает его показания ненадёжными — не потому, что он лжёт, а потому, что он уже не знает, где его собственная память, а где петля, снятая с чужого чипа.

— Позвольте конкретный вопрос, — адвокат Сойкина взял слово. — Свидетель Ветрова утверждала, что в сенсорной петле, снятой с кошки моего подзащитного, присутствовала эмоция... удовольствия. Удовольствия от процесса нанесения царапин. Я хочу спросить у профессора Керна: может ли эта эмоция быть не эмоцией моего подзащитного, а проекцией собственного подсознания свидетеля, наложенной на амбивалентный сигнал животного?

Керн пожевал губами.

— Теоретически — да. Эмоциональный фон животного может резонировать с собственными подавленными импульсами сенситива. Если у свидетеля Ветровой есть подсознательная агрессия, она могла неосознанно приписать её объекту погружения.

В зале снова зашумели. Ася сжала кулаки, но промолчала. Подсознательная агрессия. Конечно. У неё, которая каждый день вытаскивала из шкур то, что люди оставляли в чужих телах — свою боль, свой страх, свою похоть, свою жестокость. У неё была агрессия. Она накопила её за годы работы. Но это не делало её показания ложными.

— Свидетель Ветрова, — Волин обратился к ней, — вы хотите что-то добавить?

Ася встала.

— Да. Я хочу сказать, что профессор Керн никогда не был в шкуре. Он пишет о размывании границ личности, но никогда не чувствовал, как это — когда твои лапы касаются земли, когда твой нос читает историю каждого прохожего, когда твой страх — это не метафора, а химический приказ бежать. Он говорит о дефиците антропоцентрической референции так, как будто быть человеком — единственный способ быть. Я не знаю, права ли я в каждом своём показании. Но я знаю, что я чувствовала. И я знаю, что господин Сойкин, сидящий в первом ряду, чувствовал удовольствие. Не желание убить — удовольствие от процесса. От власти. От того, что кто-то другой страдает, а он — в безопасности. Это не кошачья эмоция. Это человеческая. Слишком человеческая.

Она села. Сойкин смотрел на неё в упор, и его лицо, всегда спокойное, почти сонное, вдруг изменилось. На мгновение — долю секунды — она увидела в его глазах то самое, что видела в петле Имбири. Удовольствие, прикрытое маской вежливого интереса. Исчезнувшее, как только он заметил, что она смотрит.

4

Голосование назначили на пятницу.

Три дня между слушаниями и голосованием стали для Аси самыми долгими в её жизни. Она не читала новостей, не включала планшет, не отвечала на звонки. Она гуляла с Кнутом по парку, часами сидела у окна, гладила Оливера, который приходил и садился рядом, когда чувствовал, что ей плохо.

Она снова и снова прокручивала в голове всё, что случилось за последние недели. Имбирь, кошка Сойкина, усыпленная по протоколу, хотя была не преступницей, а орудием. Оливер, в котором, возможно, до сих пор жило эхо сознания Глеба Ратникова. Свинья на конвейере, норка в клетке, лисица с артритными лапами. Ника Мороз, которая ждала приговора в тюремной больнице.

И её собственное отражение в зеркале. Усталая женщина тридцати четырёх лет, которая не помнила, когда в последний раз чувствовала что-то только как человек, а не как отголосок чужой сенсорики.

Однажды ночью она проснулась от того, что Оливер сидел у изголовья и смотрел на неё. В лунном свете его глаза казались бездонными. Он протянул руку и коснулся её лба.

И она поняла. Без шлема, без интерфейса, без чипа. Просто поняла, что он хочет сказать.

Ты не одна. Мы все носим друг друга. Так было всегда. Просто теперь у этого есть технология.

На следующий день она пошла в участок и написала заявление на удочерение... усыновление... опеку. Слово не имело значения. Оливер останется с ней. И Кнут. И все остальные, кто придёт потом. Она не знала, как это будет работать юридически — животное, которое было свидетелем, и человек, который был в нём. Но она наймёт юриста.

5

Пятница началась с дождя.

Ася пришла в зал заседаний вместе со всеми. Операторы настраивали трансляцию — голосование должны были показывать по всем новостным каналам. Такого ажиотажа вокруг законодательного акта не было с тех пор, как принимали поправки о правах искусственных интеллектов.

Судья Волин зачитал окончательную формулировку. Акт назывался «О правовом регулировании опосредованных биологических действий и ответственности оператора нейроинтерфейса». В преамбуле значилось: «Принимая во внимание, что развитие технологий нейроинтерфейсного погружения создаёт беспрецедентную ситуацию, при которой воля оператора может быть реализована через тело биологического объекта, и признавая необходимость защиты как прав человека, так и благополучия животных...»

Дальше шли пункты.

Пункт первый: действия, совершённые оператором через тело животного, приравниваются к действиям, совершённым лично, с учётом ограничений, накладываемых биологией животного-носителя. (Адвокат Сойкина поморщился — это означало, что ссылаться на инстинкты животного больше нельзя.)

Пункт второй: принудительное подключение человека к интерфейсу без его согласия признаётся пыткой и карается по соответствующей статье. (Ника Мороз не доживёт до выхода, подумала Ася, но прецедент будет.)

Пункт третий: животные, используемые в качестве носителей, получают статус «биологических свидетелей» с правом на защиту от жестокого обращения и на посмертное — или посмертное? нет, «пост-эксплуатационное» — содержание за счёт государства или оператора.

Пункт четвёртый...

Ася слушала и не верила своим ушам. Это был компромисс. Рванный, несовершенный, полный лазеек и двусмысленностей. Но он был. Впервые в истории закон признавал, что животные — не вещи. Не орудия. Не технические средства. Живые участники событий.

И в этом законе была она.

Не по имени — её имени не было в тексте. Но каждая строчка дышала тем, что она говорила на слушаниях, что она писала в рапортах, что она чувствовала, лёжа в отключке после шестого погружения за сутки. Её боль, её агрессия, её подсознательные проекции — всё это стало кирпичами в фундаменте нового мира.

— Голосование, — объявил Волин.

Члены комитета поднимали руки медленно, словно каждое движение требовало усилия. Но их было много — больше половины. «За» — пятьдесят три голоса. «Против» — двадцать девять. Воздержались — четверо.

Акт был принят.

В зале зашумели. Журналисты бросились к выходам, чтобы первыми сообщить новость. Юристы «НейроСкина» что-то горячо обсуждали, тыкая пальцами в планшеты. Сойкин сидел неподвижно, глядя в одну точку, и Ася видела, как его адвокат что-то шепчет ему на ухо — вероятно, о перспективах апелляции.

А она сидела и плакала. Беззвучно, без всхлипов. Слезы текли по щекам, и она не вытирала их.

Кнут поднялся с пола и положил голову ей на колени. Оливер — она всё же взяла его с собой, несмотря на толпу, — взял её за руку. И в этом прикосновении она снова почувствовала то, что не могло быть выражено словами.

Хорошо. Теперь домой.

6

Домой они вернулись поздно вечером. Дождь кончился, и над городом висело чистое, промытое небо с редкими звёздами. Ася накормила Кнута, дала Оливеру банан и открыла бутылку вина — впервые за много недель.

Она сидела в гостиной, на диване, подобрала под себя ноги, и смотрела в окно. Город жил своей жизнью — шумел машинами, перемигивался окнами, дышал миллионами человеческих и нечеловеческих тел. Где-то там, в этом городе, прямо сейчас кто-то надевал шлем и входил в тело животного. Может быть, для игры. Может быть, для работы. Может быть, для того, чтобы причинить боль. Акт Ветровой — она всё ещё не могла привыкнуть к тому, что журналисты окрестили закон её именем, — не остановит всех. Он только создаст правила. Но правила — это то, с чего начинается цивилизация.

— С нами всё будет в порядке, — сказала она вслух.

Кнут стукнул хвостом по полу. Оливер издал короткое «ху» и закрыл глаза. И Ася вдруг поняла, что хочет сделать то, чего не делала давно. Не для работы. Не для дела. Просто потому, что может.

Она достала шлем. Надела. Вошла в Кнута.

И побежала.

Ночь, полная запахов. Мокрая трава, старая листва, следы кошек и голубей, далёкий дым из чьей-то печной трубы. Ветер в ушах, ритм четырёх лап по асфальту, хвост — продолжение позвоночника, радость — продолжение движения.

Она бежала, и Кнут бежал вместе с ней — не как носитель, не как инструмент, а как брат. Они делили одно тело на двоих, одно сознание на двоих, одну радость на двоих, и это было правильно, это было единственное, что имело смысл.

А потом она сняла шлем, вернулась в своё тело, и они лежали втроем на диване — женщина, пёс и обезьяна, — и мир был несовершенен, и закон был несовершенен, и они сами были полны трещин и шрамов.

Но они были вместе.

И этого хватало.

Эпилог. Полгода спустя

Акт Ветровой оброс подзаконными актами, инструкциями, разъяснениями пленума. Сойкина осудили на семь лет — адвокат подал апелляцию, но дело ушло в высшую инстанцию и застряло там. Ника Мороз вышла по условно-досрочному: суд учёл смягчающие обстоятельства и тот факт, что её трансляции, как ни странно, привели к резкому падению потребления мяса в стране.

«НейроСкин» объявил о разработке нового поколения чипов с усиленной защитой от принудительных подключений. Зоозащитники назвали это победой. Корпорация — маркетинговым ходом. Истина, как всегда, лежала где-то посередине.

Ася получила повышение — теперь она возглавляла отдел сенситивных расследований. Кабинет был больше, бумажной работы прибавилось, но она всё равно выезжала на каждое сложное дело. Не могла иначе.

Оливер официально стал членом семьи. Юридически это оформлялось как «межвидовое партнёрство с правом совместного проживания и наследования» — ещё одна новая категория, рождённая новым миром. Журналисты написали об этом статью, и неделю Асю узнавали на улицах.

Но главное происходило не в судах и не в офисах.

Главное происходило по вечерам, когда она сидела на диване, и Кнут клал голову ей на колени, а Оливер перебирал её волосы длинными, почти человеческими пальцами. И она думала о том, что граница между видами — это просто привычка. Что сознание не имеет формы. Что любовь не спрашивает, сколько у тебя ног и есть ли хвост.

И ещё она думала — впервые за долгое время — о будущем. О том, что однажды появятся новые технологии, новые дилеммы, новые преступники и новые жертвы. О том, что её работа никогда не кончится.

Но теперь у неё были правила. Те самые, несовершенные, рваные, принятые в пятницу под стук дождя. Правила, которые говорили: ты отвечаешь за того, кто в тебе, и за того, в ком ты.

Этого было мало.

Но это было начало.

Конец первой книги цикла «Чужая шкура»
